

Все персонажи и действия вымышлены, к реальным событиям не имеют никакого отношения.

Nil desperandum! (Никогда не отчаивайся! Латынь. Из Горация.)

Я сидела на стуле и горько рыдала. Судебные приставы недавно ушли, прихватив с собой компьютер, ноутбук и телевизор. Даже смартфон изъяли. До этого они забрали холодильник и стиральную машину и вынесли мебельный гарнитур. Квартира опустела и от малейшего звука по ней разносилось гулкое эхо. Рядом со мной лежала копия постановления о конфискации имущества за долги. Так же имелось решение суда о выселении меня из квартиры. Ну и куда я пойду? На вокзал? В приют для бомжей? На городскую свалку? Эти варианты меня не устраивали и пугали. Если меня выселят, а юридически это уже произошло, то без прописки я потеряю работу и что тогда? На какие шиши и где я вообще буду существовать? Мы с моим адвокатом подали иск о пересмотре дела и пытались обжаловать решение суда о моём выселении, но надежды было мало. Что-ж, как говорится, от тюрьмы и от сумы... И я разрыдалась уже до истерики. Ну и ладно. Повешусь. Выброшусь из окна или утоплюсь. Или под машину, а лучше на трамвайные рельсы.

В коридоре стукнула дверь и послышались гулкие шаги. В комнату вошла эпатажная молодая дама в сопровождении двух громил в чёрных костюмах, которые тут же встали по бокам от входа, заложив руки за спину. Женщина смерила меня презрительным взглядом и по-хозяйски прошлась по комнате, осматривая стены и окна.

— Ну что-же, неплохо — проговорила она — квартирка так себе, но для офиса сгодится.

— В-вы кто? — спросила я, перестав плакать.

— Вообще-то эта хата уже моя — надменным голосом сказала она, проигнорировав мой вопрос и обращаясь скорее к стенам — а ты, надо думать, бывшая хозяйка?

— Почему бывшая? Я ещё две недели могу здесь жить. Я добьюсь пересмотра решения суда — решительно ответила я и уже тихо добавила — вообще-то мне некуда идти.

— Слышь, ты, мочалка облезлая! Да это твои проблемы. Сегодня ещё можешь тут оставаться, а завтра чтобы духу твоего здесь не было. Здесь начнётся ремонт. Учти, будешь выкидывать фортели и писать бумажки, тебя найдут в посадке по частям — и, приблизив ко мне своё лицо уже тихо прошипела — я не шучу и предупреждаю один раз.

С этими словами она щёлкнула пальцами и один из бугаёв достал из барсетки прозрачный файл с бумагами и подал своей хозяйке.

— Вот пакет документов — продолжила она, бросая файл на подоконник — прочитаешь каждую страницу и везде внизу поставишь подпись. Потом можешь убираться на все четыре стороны — и уже снисходительно добавила — ладно, так и быть — достав большой усыпанный сверкающими камешками кошелёк из сумочки, вынула оттуда пять сто долларовых купюр и швырнула их сверху на файл — вечером приеду за документами. Вот так запросто бросила сумму, с лихвой превышающую мой месячный оклад. Как кость голодной псине.

Повернувшись ко мне спиной, она продефилировала к выходу и громилы молча последовали за ней. Дверь хлопнула и я осталась одна.

... Я постепенно влезала в долги. Зарплаты катастрофически не хватало, и я пахала сразу на трёх работах. Ничего, молодая, выдержу, справлюсь. Поначалу мне казалось, что я сверну

горы. Мне хотелось всего и сразу, и я влезла в два кредита и в ипотеку, продав убитую хрущёбу на задворках города, которую мне дали сразу после детдома. Но вкалывать на трёх работах оказалось совсем непросто. Я везде опаздывала и спала на ходу. И вначале один шеф, а потом уже и другой, предложили по-хорошему написать заявление, как говорится, по собственному. Оставшись на одной работе я уже не могла платить по кредитам вовремя и задолженности росли. Росли и проценты. Помочь мне было некому и на меня наваливались апатия и безысходность. Всё произошло как-то быстро и в один момент. Сначала описали имущество, а затем и квартиру. И вот я сидела одна в пустой комнате и плакать уже не могла. Надвигался вечер. Я пересела на старенький диван и сидела как в ступоре, когда дверь открылась и в коридоре послышался уверенный стук каблуков. Передо мной стояла утренняя визитёрша и крутила на пальце ключи от машины с ярким брелком на цепочке. На сей раз она была без вышибал, но держалась вполне уверенно. Как бы угадывая мои мысли она проговорила:

— А зачем повсюду таскать их за собой. Надеюсь, ты не такая дура, и понимаешь, что ничего мне не сделаешь, и если хоть волос упадёт с моей головы, тебя вынесут отсюда вперёд ногами. Она прошлась по комнате и уселась на стул, закинув ногу на ногу. Я сидела и молчала, потушив взор. Передо мной болталась её нога в брючине, наутюженной так, что о стрелку можно было порезаться. «Следит за собой, наверное стерва ещё та» — почему-то подумалось мне. Внезапно в тишине что-щёлкнуло и зашипело. Звук исходил откуда-то из её сумки и она извлекла какой-то прибор. «С вами всё в порядке, Ирина Викторовна?» — послышалось оттуда.

— Всё нормально, Стасик — сказала она в переговорник — и обратилась уже ко мне — документы подписала?

Я молча кивнула и указала головой на подоконник. Женщина встала и подошла к окну. Взяв в руки файл, она просмотрела документы, удовлетворённо улыбнулась и спрятала их себе в сумку.

— Я знала, что ты умная девочка и не станешь делать себе осложнения.

— Была бы умная, всего этого бы сейчас не было — впервые за всё время я подала свой голос. Она подошла и приподняла меня за подбородок:

— Подумаешь, долги. Да ты ещё не знаешь, в какие долги люди залезают! И лучше тебе не знать, всё равно не поверишь. А за твои копейки...

Отпустив мой подбородок, чопорная дама повернулась спиной и пошла к выходу.

Вот и всё. Я на улице и в кармане пятьсот баксов на всю оставшуюся жизнь. Да какого чёрта! Во мне вдруг закипела злость и ненависть ко всему происходящему. Подыхать на улице или здесь, да какая разница? Ну пусть позже. Насколько? На неделю, на месяц? Да не всё ли равно! Да как она вообще смеет, эта наглая особа отбирать у меня пусть призрачную, но последнюю надежду. Что, деньги дурные некуда девать? Я вдруг подскочила с дивана и в три прыжка догнала свою рейдершу и развернула её к себе. Я молча вцепилась ей в горло изо всех сил. Однако женщина была не из слабых. Растерялась она всего лишь на секунду, и, в следующее мгновение, её стальные пальцы клещами сомкнулись теперь уже на моей шее. Какое-то время мы стояли молча взяв друг друга за горло, затем повалились на пол и покатались по комнате.

Какая муха меня укусила? В жизни бывали у меня минуты отчаяния и безысходности, но я не сдавалась, и всякий раз, сохранив хладнокровие, выпутывалась из передраг. Меня считали

деловой женщиной и, наверное, так оно и было до тех пор, пока моя же алчность меня не погубила. Я взвалила на себя слишком много и не рассчитала свои силы. Теперь же меня загнали в угол, из которого выхода я не видела, и в последнем порыве отчаяния я потеряла над собой контроль.

Мы катались по полу и крепкие руки держали моё горло мёртвой хваткой. Дышать было нечем, но я видела, что и противница моя не дышит. Глаза её были навывкате и лицо приобрело багрово-синюшный оттенок. Мною овладело отчаяние и терять было нечего. Задушит так задушит. И поделом мне. Сама виновата, и обратного хода уже нет. Если только в руки Стасика. Наконец, её хватка ослабла и руки отпустили мне горло. Отпустила и я. Тяжело дыша мы сидели на полу и молча смотрели друг на друга. Тишину разрывало лишь потрескивание переговорного устройства в её сумке, валявшейся на полу.

Ну и чего я добилась? Порыв бешенства отступил и я начала спокойно рассуждать. Ну вот, с её головы упал явно не один волос, и на её шее наливался багровый кровоподтёк, и вот сейчас эта Ирина Викторовна позовёт своего подручного Стасика и он за минуту сделает из меня отбивную котлету. Или дырявое решето. А перед этим он наверняка поиграется со мной и удовлетворит на мне свою плотскую похоть. И тут я вlepила ей пощёчину. Помирать, так с музыкой. И ничего не произошло. Она продолжала сидеть на полу и смотреть на меня. И я залепила ей ещё, уже по другой щеке. И тут эта Ирина Викторовна задышала уж совсем тяжело. Что с ней? Ей плохо? Сердечный приступ? Этого ещё не хватало. Но ведь она же ещё совсем молодая. И до меня дошло. Это было возбуждение. Настоящее половое возбуждение! И я хлестнула её по щеке ещё раз.

— Ещё — тихо попросили её губы — пожалуйста.

Я придвинулась ближе и положила руку на ширинку безупречно отутюженных брюк, и она оказалась влажной. И тут я раскусила её до конца. Так вот кто она такая и какая у неё половая жизнь, во время борьбы к ней пришло возбуждение и поэтому она меня отпустила, это была её натура и неважно, какой социальный статус она занимала в обществе, в обычной половой жизни ей нужны были боль и унижение, и, наверное, всё это она получала с лихвой, за деньги можно купить любую любовь, но вся прелесть для неё сейчас была не в режиссёрской постановке, а в том, что события развивались естественным ходом, и это придавало ощущениям неповторимую остроту.

— Получишь, не сомневайся — ответила я уже уверенным тоном и запустила свою руку ей за тонкие стринги. Мягко обхватив её промежность, я засунула пальцы внутрь и нащупала клитор. Он был влажный и твёрдый. Теперь я знала что надо делать. Я поднесла свободную руку к её лицу, немного подержав возле её губ. Она не шевелилась и тяжело дышала. И я вlepила ей пощёчину ещё раз.

— Что надо было сделать? — тихо и строго спросила я — когда госпожа подносит к лицу руку, что надо делать?

— Поцеловать — тихо и покорно отвечала всемогущая Ирина Викторовна.

— Ответ неверный — всё так же строго сказала я. Поцеловать это само собой. А благодарить кто, Пушкин будет? — и я вlepила ей очередную пощёчину — Ну? Не слышу.

— С-спасибо — промямлила она.

— Что спасибо? Ты к кому обращаешься? Как надо меня называть? — и я опять заехала ей по уже красной щеке.

— Спасибо, госпожа — теперь уже без запинки ответила она, преданно глядя мне в глаза.

Я встала и уселась на стул, положив ногу на ногу.

— Там в коридоре мои туфли, неси их сюда! — приказала я и женщина повинувалась. Она начала подниматься с колен, чтобы пройти в прихожую, но я её остановила.

— Разве тебе непонятно, что передо мной можно передвигаться только на четвереньках и все предметы приносить только в зубах? Ты должна была догадаться. Будешь наказана. Вообще считай свои наказания. Теперь неси.

И она покорно поползла в коридор, нашла мои туфли и принесла их во рту, положив всё к моим ногам. Я скинула домашние тапочки и протянула ногу к её лицу:

— Обувай — приказала я — можешь помочь себе руками.

Это были старые потёртые босоножки из дешёвой кожи, которые я покупала на распродаже, уже не помню даже когда, я приказала ей принести выходные строгие туфли, ну да ладно, важен не предмет, а сам смысл. Она надела на мою ногу босоножек и застегнула ремешок.

— Вторую — приказала я. После того как она обула меня, я положила ногу на ногу и пальцами из босоножка стала гладить её по шее и щекам. Она тяжело дышала и возбуждалась.

— Кто такой Стасик? — спросила я.

— Начальник моей охраны — отвечала она, облизывая мою обутую стопу.

— Он тебя наказывает?

— Нет, он ничего не знает.

— Кто тебя наказывает?

— Мои горничные, я им плачу.

— Сколько их?

— Двое, остальные не знают.

— Они наказывают тебя вдвоём?

— Когда как.

— Кто ещё знает?

— Больше никто.

— Кто ты такая?

— Я обыкновенная, просто наследство получила и у меня своя фирма.

— Я тебе нравлюсь?

— Да.

— С кем тебе лучше, с горничными или со мной?

— С вами, госпожа.

— Сейчас ты звонишь Стасику и говоришь, что всё нормально и остаёшься со мной на ночь. И никаких ремонтов! Поняла?

— Да, госпожа.

Я несильно, но ощутимо наступила ей на руку острым каблучком и проговорила:

— Ты выкупаешь мою квартиру и обставляешь её, погашаешь все мои задолженности по кредитам и начинаешь меня содержать. Как тебе такое? Нравится? Если нет, я сейчас же встаю и ухожу, и ты никогда меня больше не увидишь!

— Да, я всё сделаю, не бросайте меня, так хорошо мне ни с кем не было.

— Да ты и представить себе не можешь, как хорошо тебе ещё будет. Теперь звони.

Вот теперь я была уверена, что она всё сделает как надо. Я оставлю её на ночь и дам ей не только боль, как её дуры служанки, но вместе с болью она получит и ласку. И будет любить меня крепко и верно.

... Я сидела за рулём роскошного ауди и ехала в сторону моей загородной виллы. Я повернула голову и посмотрела на свою любовницу:

— Как ты думаешь, куда мы едем?

— За город?

— А чем мы там будем заниматься?

— Любовью?

— Ты угадала.

— Скорее бы.

ARHIMED